

ИЛЬИНСКИЙ ЧИТАЕТ ЧЕХОВА

КАЖДЫЙ крупный современный актер не может пройти мимо творчества Чехова. Для многих выдающихся мастеров советского театра именно с чеховской драматургией связаны ярчайшие творческие достижения.

Ну а если не повезло? Если ни в театре, ни в кино не удалось сыграть значительных чеховских ролей? Можно, конечно, повздыхать по этому поводу: вот, мол, судьба-индейка... А можно поступить так, как Игорь Владимирович Ильинский.

И ему не повезло. Более чем за полвека работы в театре только однажды встретился с Чеховым, да и то в водевиле: сыграл Ломова («Предложение»). Среди десятков его ролей в кино тоже лишь одна чеховская — фельдшер в «Хирургии». Но Игорь Владимирович не стал вздыхать. Он начал работать над Чеховым самостоятельно. Сначала на эстраде, на радио, а потом и на телевидении. Всем памятен недавний телефильм «Разные, разные, разные лица». 24 чеховских персонажа сыграл здесь Ильинский! Блеснул виртуозной техникой перевоплощения. Показал неисчерпаемость своих возможностей...

А теперь новая чеховская телепремьера Ильинского. Три рассказа — «Душечка», «Горе», «Лев и солнце».

Ильинский всегда считался сторонником «театрализации» художественного чтения. Он нес на эстраду огромный опыт актера в

совершенстве владеющего пластикой, жестом, всеми средствами внешней выразительности... И вот — «Душечка». Игорь Владимирович мог бы легко и весело показать нам и желчного антрепренера Кукина, и солидного торговца лесом Пустовалова. Нет, артист не делает этого. Он решительно отказывается и от динамических мизансцен, и от всякого реквизита. Просто сидит в кресле и рассказывает. И при этом почти не прибегает к жесту, не меняет тембр голоса. Ему здесь вовсе не нужны внешние эффекты. Они могут помешать и артисту, и зрителю сосредоточиться на главном. А главное — сама Душечка, ее способность, нет, ее предназначение самоотверженно любить кого-то, любить так сильно, чтобы полностью раствориться в личности любимого.

Душечка смешна, ограничена, даже убога — ведь у нее совсем нет своего мнения, своих мыслей. По первоначальным заметкам в записной книжке Чехова видно, что он задумал сатирический рассказ. Но, как справедливо заметил Лев Толстой, Чехов хотел посмеяться над Душечкой, но бог поэзии не разрешил ему этого. Сила ее бескорыстной любви оказалась выше всех смешных и жалких сторон характера. И в передаче этого рассказа Ильинским тонкая лирика, сочувствие и сострадание явно довлеют над сатирой. Впечатление остается сильное, светлое, очищающее. Примерно такое же, как от

«Истории Карла Ивановича» или «Старосветских помещиков» — признанных шедевров Ильинского.

И какими простыми средствами это достигается! Только слово, только глаза артиста, в которых — мудрость, понимание, невысказанная грусть...

С такой же огромной внутренней наполненностью при внешнем аскетизме рассказано «Горе». Правда, здесь артист позволяет себе как бы от первого лица произнести монолог пьянчужки-токаря Григория Петрова, везущего в непогоду большую жену в земскую больницу. Мы чувствуем, почти физически осязаем медленное и трудное течение мысли Григория. И одновременно быстрый, неумолимый бег времени. Только что у Петрова была жена, да и сам он был мастер хоть куда. Мог шары для крокета выточить, портсигарчик из карельской березы... Только вот бросить бы пить... Метель, холод, короткое забытье — и нет у токаря ни жены, ни рук, ни ног. А он все бормочет: «Портсигарчик сделаю... из карельской березы...». Чеховский лаконизм, спрессованность времени доведены здесь до предела и переданы артистом строго, с безукоризненным чувством меры и оттого так впечатляюще.

А «Лев и солнце» — вроде дивертисмента. Как в старину «для разъезда» давали в театре водевиль после драмы. Сатирический рассказ, не потерявший, пожалуй, актуальности. Ведь и ныне попадают люди, которые, подобно городскому голове Куцину, больше думают о предвкушаемых наградах и регалиях, чем о деле, которое им поручено...

Да, Игорю Ильинскому не довелось пока сыграть ни Епиходова, ни Чебутыкина, ни Вафлю. Но после его телевизионных работ имя артиста не вычеркнешь из летописи художественных воплощений Чехова.

Б. ЕВСЕЕВ.